

ДЕЛАЙЛА ДОУСОН
перевод ДАРЬИ ВОРОНКОВОЙ

Я-ЯРОСТЬ

18+

триллер

МИОО

ВЫЖИВШИМ

Раньше я винила себя, что делала недостаточно.

За то, что не ушла раньше. Не давала сдачи.

Не пыталась бороться.

Теперь я стала добрее к моей более юной версии.

Теперь я верю, что просто выжить — это уже очень много

ОТ АВТОРА

В этой книге затронуты темы физического, эмоционального и сексуального насилия, присутствует описание смерти животных и графическое насилие. Некоторые из сцен могут быть тягостны для читателей. Написание книги и подробное погружение в эти темы было частью моего собственного пути к исцелению.

Мои отношения с отцом оказались непростыми. Будучи трезвым, он выказывал мне разочарование, а когда пил, то издевался эмоционально и физически. Сцены на кухне у Челси основаны на том, что пережили мы с мамой. Папу у нас в городе так любили, что никто нам не верил. Со стороны наша семья казалась идеальной.

Когда мне исполнилось восемнадцать, мы с мамой наконец уехали, и я познакомилась с удивительным психотерапевтом Бетси. Не могу вспомнить ее фамилию и все ее регалии, но она была первой, кто сказал: «Ты ведь понимаешь, что стала жертвой домашнего насилия? Твой отец просто издевался над тобой». До той минуты я не понимала ничего. Мне казалось, что я живу нормальной жизнью. Бетси сделала так, что мой отец начал ходить на собрания анонимных алкоголиков и в конце концов бросил пить. Насколько я знаю, он больше не употреблял алкоголь, но в остальном не изменился до самой смерти — все так же пытался всех контролировать и манипулировал эмоциями окружающих. Как гласит молитва нарциссиста, этого не было; если было, то не страшно; если страшно, то не заморачивайся; а если заморачиваешься, то я ни при чем.

В 1995 году, когда мы с мамой уехали от отца, интернет еще не хранил ответы на любые вопросы, так что я благодарна семье и друзьям, которые помогали. Которые спасли нас. Абьюзеры часто лишают нас поддержки близких, но на самом деле люди готовы помочь. Если вы столкнулись с жестоким обращением — не стесняйтесь обратиться за помощью. Вы не одиноки.

Первый зарегистрированный случай проявления Ярости
произошел во вторник, 15 апреля 2025 года.

Рут Бельмонт из Ленд-о-Лейкс, штат Флорида,
покупала продукты в магазине и собиралась положить
в тележку банку майонеза.

Эта миролюбивая и очень религиозная старушка вдруг
уронила майонез, потянулась за соусом «Тысяча островов»
и со всей силы ударила другую покупательницу,
двадцатичетырехлетнюю Мелиссу Мендоса. Маленький
сын Мендосы все это время сидел в коляске и молча
наблюдал, как пожилая женщина забила до смерти его мать
бутылкой соуса. Когда Мендоса испустила последний
вдох, Рут Бельмонт поставила бутылку на место, взяла
новую и намеревалась продолжить покупки. Полицейские
повалили ее на пол, она кричала и плакала, что ни в чем
не виновата. Всю эту ужасную сцену запечатлели камеры
магазина. Когда Ярость признали болезнью, Бельмонт
освободили из-под стражи. На данный момент она судится
со штатом, требуя возмещение ущерба в размере
1,3 миллиона долларов (в том числе за сломанную
ключицу). Тем, кто заболел позднее, повезло меньше.

ЧАСТЬ I

1.

Челси Мартин сидит в лучах идеального солнца, за своим идеальным кухонным столом и смотрит на листок бумаги, который вот-вот разрушит ее идеальную жизнь.

Недостаточно средств на счете? Невозможно!

Дэвид, ее муж, финансист, он управляет их банковскими счетами — должно быть, произошла ошибка. Она уже раз сто перечитала напечатанное на листке безличное обращение. В желудке ворочается что-то неприятное, выпитый кофе просится наружу. Нет, это еще не паника, но Челси далеко не в порядке.

Если бы у них были проблемы, сказал бы ей об этом Дэвид? Она смотрит на экран телефона и раздумывает, как бы лучше задать вопрос, чтобы не обидеть мужа. Сообщение безопаснее звонка, ведь он ненавидит, когда у нее дрожит голос. Она слишком легко ударяется в слезы; невозможно толком поговорить, когда она вся на эмоциях, — так утверждает Дэвид.

Нет-нет, оно того не стоит. Он придет домой, увидит бумагу — и разберется со всем. Пусть злитесь на банк, а не на гонца, который принес плохую весть. Пусть злитесь вечером — лишь бы только не сейчас *и* вечером в придачу. Челси неосознанно прикладывает руку к горлу, страшась грозы, которая непременно разразится, когда муж вернется с работы.

Определенно не стоит беспокоить его сейчас.

Челси пытается сосредоточиться на том, чем занималась до того, как пришло письмо, но это бессмысленно. От того, что она зайдет на веб-портал и посмотрит обязательное еженедельное видео «Давайте продавать мечты!», ей станет только хуже. Подписывая контракт на продажу эфирных масел «Дрим Виталити», Челси рассчитывала, что обретет независимость (хоть немного!), что у нее будет собственное дело, которым можно гордиться. Теперь, глядя на деревянный

ящик, забитый крошечными фиолетовыми бутылочками — полными, неоткупоренными, уже запывившимися, — она мечтает никогда больше не слышать запах бергамота.

В холле ждет очередная картонная коробка — их приносят каждый месяц, и на каждой пропечатана чересчур оптимистичная надпись: ДОСТАВКА МЕЧТЫ! Однако спустя год бесплодных попыток сбыть продукт, который должен расхотиться сам собой, Челси наконец готова признать поражение. Да, у нее *была* мечта: организовать собственный бизнес, накопить денег, примкнуть к сообществу умных, целеустремленных женщин. Вместо этого она оттолкнула друзей навязчивыми постами в соцсетях, поставила в неловкое положение дочерей и пережила массу унижительных вечеринок и детских утренников, на которых могла продемонстрировать гостям лишь бесконечные коробки эфирных масел, которые сама не в состоянии сбыть даже по себестоимости. Еще до сегодняшнего уведомления о превышении лимита (разумеется, ошибочного!) Челси волновалась, что сняла в этом месяце со счетов куда больше, чем позволяет ее строго оговоренный бюджет, и, когда Дэвид обнаружит это, будет... плохо.

И ужаснее всего: эта попытка стать предпринимателем показала, что большинство ее «друзей» в интернете на самом деле вовсе ей не друзья. Ни лайков, ни репостов, ни покупок, ни отзывов! Ее посты просто игнорировались. Единственная опора — онлайн-группа таких же, как она, отважных мам, где можно писать только слова поддержки. Порой Челси мучает вопрос: ощущают ли все остальные участницы сообщества ту же чудовищную усталость, отрезанность от мира и тотальное одиночество?

Подразумевалось, что этот маленький бизнес поможет ей прийти в себя, — но неприятностей стало вдвое больше.

«Соберись, тряпка!» — твердит она себе самой. — *«Это всего лишь масло!»*

Эта мысль тоже не слишком утешает.

Она зарывается пальцами в волосы — с каждым годом они все сильнее походят на материнские, а ее стилисту все

чаще приходится закрашивать седину (процедура эта носит какое-то французское название, что увеличивает стоимость окрашивания вдвое). За панорамным окном сверкает бассейн, но, увы, нельзя с разбегу прыгнуть в него — ведь прическа превратится в соломенный стог, а идеальный цвет неизбежно потускнеет. Челси окидывает взглядом деревянные стены, гранитные полы, винтажные лампочки, диванные подушки цветов сезона. Все идеально. Все *неправильно*.

Даже белоснежная собака, сопящая на такой же белой (в тон) собачьей кровати, — бесшерстный бишон-фризе по имени Олаф, и стоил он больше, чем первая машина Челси, ведь Дэвиду невыносима была даже мысль о собачьей шерсти, которая непременно будет собираться комками по полу. Бедный, милый Олаф! Он так боится хозяина, что большую часть времени проводит, прячась в кладовых и гардеробных. Этот идеальный Олаф принес в их жизнь массу врожденных неврозов, нервного тьяканья и внезапно возникающих луж мочи.

Такой большой, просторный дом, полная противоположность убогих квартир, в которых росла Челси. Он должен радовать глаз, но стены давят на нее бесконечной лавиной забот: одни вещи надо гордо выставить напоказ, другие спрятать от чужого взгляда — все должно работать идеально. Ей и в голову не приходило, что гигантский дом будет ощущаться тесной ловушкой.

Челси наливает себе еще чашечку кофе (который едва ли справится с ее глубоким волнением), и в этот момент раздастся звонок в дверь. Напряжение окутывает ее целиком. Она просматривает настенный календарь: внизу, возле дат, — никаких пометок, наверху — сплошь фотографии членов семьи в одинаковых накрахмаленных белых рубашках. Никто не должен прийти работать по дому, доставку она тоже не ждет. Из-за «Дрим Виталити» и Дэвида большинство ее старых друзей держатся на расстоянии — стало быть, звонку может быть только одно объяснение. Ноги несут Челси прочь из просторного фойе в прачечную: окна там расположены слишком высоко, так что с улицы не разглядеть, что она

прячется внутри. Дверь гаража заперта. Ничто не выдаст ее присутствия.

И тут смартфон в руке вибрирует, и на экране высвечивается сообщение: *«Я знаю, что ты дома»*.

Прачечная отпадает. Вернувшись на кухню, Челси залпом допивает кофе и с силой ставит серую керамическую кружку на стол, да так, что светлая жидкость выплескивается через край, прямо на черный гранит. Она спешно забегает в огромную ванную, расчесывается, подкрашивает губы. Тушь потекла, но совсем чуть-чуть, и голубые глаза кажутся еще шире — Челси по очереди прикладывает салфетку к нижним векам. На рубашке обнаруживается крошечное кофейное пятнышко, поэтому она надевает другую и вставляет в уши бриллиантовые серьги. Среднего размера: не настолько маленькие, чтоб казались повседневными, но и не огромные, которые выдали бы излишнее старание.

Стук в дверь, такой легкий и веселый.

Тук-тук-тук.

«Это всего лишь я, твой маленький старый друг, — словно говорит этот стук. — Это крошечный дружеский визит».

Будь у злостного нарциссизма руки, он стучал бы именно так.

Зная, что если она не поторопится, то за стуком последует шелест откинутого коврика у входа, а за ним скрежет поворачиваемого в замке запасного ключа, Челси перескакивает по керамическим плиткам, приникает к глазку, чтобы убедиться, — и открывает дверь. На лице у нее улыбка из тех, с которыми небольшие шимпанзе встречают более крупных особей за секунду до того, как им оторвут конечности.

— Что-то долго ты, — вместо приветствия произносит Патрисия Лейн и улыбается Челси правильной и вежливой улыбкой, как у крупной первобытной обезьяны, которая непременно свалит вас ударом от бедра. — На улице градусов тридцать, и это в апреле! Повезло, что я не растаяла прямо на пороге.

«Ведьмы тают под дождем, а вовсе не на солнце, — думает Челси, но ничего не говорит вслух. — А ты всю жизнь прожи-